

**Брак без любви, любовь вне брака:
женщина в дворянской семье восемнадцатого века***

Елена Пирогова

Российский государственный профессионально-
педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

**Marriage without Love, Love outside Marriage:
A Woman in the Eighteenth-century Noble Family**

Elena Pirogova

Russian State Vocational-Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

This article refers to a set of documents revealing the relations within the noble family of the Ural industrialist A. F. Turchaninov and one of his daughters, Natalia Koltovskaya, in the eighteenth century. The author considers general problems of the private life of people of a privileged Russian class, namely, marital relations, possibilities, and conditions of dissolution of marriage, the position of women in the family and their rights, and the attitude to extramarital affairs in secular society. The article examines the reasons for the emergence and development of a provincial woman's sense of independence and inner freedom, the origins of her rebellion against patriarchal family structures, for the right to decide for herself, and the extent to which such manifestations of "freedom" could be considered typical of Russia at that time, or whether they should be considered an exception to the general norm of behaviour. The story of N. A. Koltovskaya's escape from her family, her relations with Emperor Paul I and Senator G. R. Derzhavin, shows the conformism of the supreme power, which manifested itself, on the one hand, in the awareness of the latter of the importance of its role in protecting the family and the moral foundations of the upper class, and, on the other hand, in the possibility of the upper class to take advantage of the opportunities offered

* *Citation*: Pirogova, E. (2024). Marriage without Love, Love outside Marriage: A Woman in the Eighteenth-century Noble Family. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 619–640. DOI 10.15826/qr.2024.2.899.

Цитирование: Pirogova E. Marriage without Love, Love outside Marriage: A Woman in the Eighteenth-century Noble Family // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 619–640. DOI 10.15826/qr.2024.2.899 / Пирогова Е. Брак без любви, любовь вне брака: женщина в дворянской семье восемнадцатого века // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 619–640. DOI 10.15826/qr.2024.2.899.

by the situation and, if necessary, of circumventing the existing rules of law, of influencing government bodies (the Senate) in one's own interests and, in general, in the interference of the supreme power in the family life of its subjects. The appendix to the article contains four documents: two "women's" letters – one from the mother to Catherine II and the other from the daughter to Paul I, as well as letters from her lover (translated from French) and her husband.

Keywords: noble family, marriage and divorce, N. A. Koltovskaya, D. P. Tatishchev, G. R. Derzhavin, Paul I

В основе статьи лежит комплекс документов, раскрывающих отношения внутри дворянской семьи уральского промышленника XVIII в. А. Ф. Турчанинова и его дочери Натальи Колтовской. Рассматриваются общие проблемы, касающиеся частной жизни людей привилегированного сословия, а именно: матримониальные отношения, возможности и условия расторжения брака, положение женщины в семье и ее права, отношение к внебрачным связям в светском обществе. Ставятся вопросы возникновения и развития чувства независимости и внутренней свободы женщины, воспитанной в провинции, истоков ее бунтарства против патриархальных семейных устоев, борьбы за право выбора личных отношений и того, насколько подобные проявления «вольности» могли быть типичными для России той эпохи (или их следует признать исключением из общей нормы поведения). История бегства Н. А. Колтовской из семьи, ее отношения с императором Павлом I и сенатором Г. Р. Державиным демонстрируют конформизм верховной власти, проявившийся, с одной стороны, в осознании важности функции защиты семейных и нравственных устоев высшего сословия, с другой – в возможности при необходимости обходить существующие нормы права, воздействовать на правительственные органы (Сенат) в своих интересах. Это свидетельствует об интенции верховной власти вмешиваться в семейную жизнь своих подданных. В приложении публикуются два «женских» письма – матери на имя Екатерины II и дочери на имя Павла I, а также письма любовника героини и ее мужа.

Ключевые слова: частная жизнь, дворянская семья, брак и развод, Н. А. Колтовская, Д. П. Татищев, Г. Р. Державин, Павел I

Для исторической науки последних десятилетий характерен заметный интерес к проявлениям индивидуального, особенного, выбивающегося из общей нормы поведения отдельного человека конкретной эпохи. В отечественной историографии проблемы, связанные с изучением истории семейно-брачных отношений, их правовой регламентации, роли традиций в регулировании брачной сферы, положения женщины в качестве невесты, жены, вдовы и т. д. решаются преимущественно в масштабах социальных групп (крестьянства, духовенства, дворянства, купечества) или общества в целом. Таковы обобщающие работы Ю. М. Лотмана, Ю. Л. Бессмертного, Б. Н. Ми-

ронова, М. К. Цатуровой, а с акцентом на «женскую» тематику – В. А. Веременико, Н. Л. Пушкаревой, А. В. Беловой, В. О. Михневич и др. Однако только изучение частной жизни отдельного человека, его поведения в семье и вне ее рамок, сравнение этого поведения с общепринятой нормой своего времени позволяют говорить о степени свободы индивида в обществе в целом и в вопросах выстраивания межличностных отношений внутри семьи в частности. История отдельной семьи представляет несомненный интерес, становится востребованным направлением научных исследований, позволяя судить о том, «как в жизни отдельных индивидов отражались свойственные изучаемой эпохе и социуму в целом тенденции развития и способы видения мира» [Егерва, с. 25].

В основе статьи лежит комплекс документов, ценный своим единством и связью с конкретной дворянской семьей уральского промышленника, позволяющий обратиться к проблемам матримониальных отношений, возможности и условий их расторжения, положения женщины в дворянской семье. Отраженные в документах события разворачиваются в самом конце XVIII в., времени, когда русское общество продолжало оставаться традиционным, для большинства населения преимущественно аграрным, и когда переход к индустриальному типу только обозначился (на промышленном Урале – в большей степени). На этом фоне тенденция в отношении развития понимания обществом ценности частной жизни и необходимости высвобождения личности от сословных предрассудков, устаревших догм и традиций, даже слабо наметившаяся, была все же важна для общей модернизации общества. К концу правления Екатерины II дворянство окончательно оформилось как господствующее сословие, расширилась его правовая база, что не могло не способствовать росту сословного самосознания, обострению чувства внутренней свободы и независимости личности. При этом положение мужчины и женщины заметно отличалось в сторону преимущественных прав первых по отношению ко вторым. Женщины, как правило, терпели такое положение, но некоторые из них уже начинали открыто бунтовать против подобного неравноправия. Подтверждением данного тезиса является история одной из таких бунтарок – Натальи Алексеевны Турчаниновой, в замужестве Колтовской.

Общая фабула раскрываемой в документах семейной драмы такова: богатую наследницу после смерти отца мать выдает замуж за человека старшего по возрасту и с очевидным интересом к приданому невесты. Вскоре супруги с уже родившимися детьми переезжают с Урала в Москву, где молодая женщина встречает свою, как ей кажется, настоящую любовь. Ее чувство столь велико, что она решает оставить семью и уехать за любимым в Петербург. Однако ее избранник не готов к такому повороту событий, через несколько лет он оставляет несчастную женщину с двумя рожденными уже вне брака детьми, предпочтя карьеру дипломата. Поведение всех участников

драмы раскрывают документы, среди которых письма на высочайшее имя, свидетельства взаимных имущественных претензий супругов, материалы разбиравшегося в Сенате дела, покаянные письма любовника и мужа и прочее. Но в центре всей драмы находится гордая, независимая женщина, осмелившаяся бросить вызов семье и обществу. Оказавшись без поддержки близких людей, включая любимого человека, она сумела не просто выстоять, но и победить, поразив красотой и дерзким умом императора Павла I, став последней любовью и музой поэта Г. Р. Державина, и добилась права на развод.

Вышеописанный сюжет заставляет усомниться, что, по утверждению одного из уральских историков, «нельзя преувеличивать уровень развития внутренней независимости личности в провинции, где традиция продолжала играть существенную роль» [Александрова, с. 149]. Является ли эта история «вольности» исключением из общей нормы женского поведения – важная проблема исследования личности той эпохи.

Родители. Образование

Наталья Алексеевна родилась в семье крупного уральского промышленника, владельца Сысертского горного округа Алексея Федоровича Турчанинова. Это был один из тех неродовитых заводоуправленцев, которые разбогатели и попали в привилегированное сословие благодаря своему уму и предприимчивости. Желая приблизиться к образованному дворянству, соответствовать его культурному и интеллектуальному уровню, Турчанинов собрал в сысертской усадьбе вблизи Екатеринбурга многочисленные коллекции и библиотеку, много усилий прилагал к всестороннему образованию и воспитанию восьмерых детей. Все они, в том числе Наталья, обучались рисованию, пению, игре на музыкальных инструментах, иностранным языкам, были знакомы с отечественной и европейской живописью и графикой, лучшими образцами художественной литературы. Под влиянием рыцарских и любовных романов, модных просветительских идей, надо полагать, и складывался внутренний мир дочерей. Вспомним ту особую роль, которую с конца XVIII в. начинает играть художественная литература в жизни общества, особенно влияя на «формирование духовного мира девочек в дворянских (причем не только в столичных... но и в провинциальных) семьях» [Пушкарева, с. 97].

Однако сысертскую усадьбу, где прошли детство и отрочество Натальи Турчаниновой, отличал не только европеизированный по тогдашней дворянской моде культурный уровень. Несмотря на богатую модную обстановку, в ней было немало и традиционного, оставшегося от старого патриархального уклада жизни, что проявлялось в ее интерьере, внешнем виде и в типе занятий домочадцев [подробнее см.: Пирогова, 2017]. Все это тоже должно было отражаться на семейных отношениях и воспитании детей. Немаловажно было и то, что Турчанинов после первого бездетного брака, уже будучи в преклон-

ном возрасте (более 60 лет), женился второй раз, несомненно по любви, на собственной крепостной Филанцете Сушиной, от которой и родились все его дети.

Подобные браки – нечастое явление в Российской империи, как правило, женщины низкого происхождения становились любовницами, но никак не женами. Из общеизвестных примеров исключение составляет уникальный, по сути, брак графа Шереметева с собственной крепостной актрисой П. Жемчуговой. Нам известно еще как минимум два подобных примера того же периода, связанных с родом промышленников Демидовых. Возможно, в поздней нобилитации, в том, что и Демидовы, и А. Ф. Турчанинов изначально не имели благородного происхождения, и кроется причина их неравных браков, а также их колебаний между традиционными и новыми европеизированными семейными ценностями.

Богатая невеста и раннее замужество

После смерти (21 марта 1787 г.) А. Ф. Турчанинов оставил богатейшее наследство в виде заводов, фабрик, домов в обеих столицах и других городах, многочисленных имений и деревень в разных губерниях России, которое было разделено между вдовой и детьми. К этому времени из пятерых дочерей только старшая Екатерина оказалась выданной замуж, остальные были еще детьми. Следующей по возрасту шла Наталья, которой на момент смерти отца исполнилось 14 лет. Сопоставление ряда документов позволяет предположить с большой долей вероятности, что она родилась в сентябре 1773 г. и была выдана замуж в 15 лет, в первой половине 1789 г., следовательно, до окончания раздела имущества. Собственное утверждение Натальи Алексеевны, что ее выдали замуж в 14 лет и что «произошло это уже после смерти отца, но в тот же год» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55011. Л. 1] (прил., док. № 3), следует считать намеренным преувеличением, использованным героиней при расторжении брака. Скорее всего, с этой датой было связано сватовство или венчание. Желание вдовы Филанцеты Степановны поскорее выдать замуж одну из дочерей очевидно, но вошла ли уже Наталья в указанное время в брачный возраст?

Церковная норма права, восходящая к византийской традиции, позволяла выдавать девушек замуж с 12 лет. Для дворян брачный возраст стал повышаться уже с начала XVIII в. под влиянием европейских стандартов и указа Петра I о единонаследии 1714 г., запретившего венчать девушек ранее 17 лет. Указ, по мнению исследователей, мало кем соблюдался, так как он нарушал традицию, обычай раннего замужества, а также церковную норму права. Поэтому уже в 1774 г. Синод особым указом вернулся к старой практике, понизив брачный возраст девушек до 13 лет [Пушкарева, с. 23].

Наталья Турчанинова была отдана замуж в 15 лет, что соответствовало норме своего времени и традиции. Чувства девушки при этом мало кого интересовали, что также являлось обычной практи-

кой в частной жизни XVIII в., тогда во многих дворянских семьях вопросы замужества и выбора брачного партнера решались по старинке – родителями и родственниками будущей невесты. При таком «добровольно-принудительном характере заключения браков, – развивает эту мысль Б. Н. Миронов, – отношения супругов лишались любви и сильной привязанности, были слабо эмоционально окрашены» [Миронов, с. 259].

Можно предположить, что первые годы совместной жизни супругов Колтовских были вполне благополучными. В «примечаниях» сенатора И. Захарова к делу говорилось: «в первых пяти годах супружества жили они мирно, конечно, потому, что сохраняли взаимную любовь и, следовательно, имели друг ко другу уверенность» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 96]. Так ли это было на самом деле, неизвестно, но в браке родилось четверо детей. Некая идиллия в семейных отношениях если и была, то недолго, и младшего сына Н. Т. Колтовской уже не считал своим.

Брак по расчету

Николай Тимофеевич Колтовской, коллежский асессор (чин VIII класса по Табели о рангах), приехал на Урал в 1786 г. обер-берг-мейстером и по 1890 г. находился в должности прокурора верхней расправы г. Екатеринбурга [Адрес-календарь... на 1786 год, с. 285; Адрес-календарь... на 1790 год, с. 12]. Из материалов сенатского дела следует, что происходил он из небогатых дворян Смоленской губернии, имея «своего собственного смоленского недвижимого имения только пятьдесят три души» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 72 об.]. За отсутствием дат его жизни можно ориентироваться на награждение его орденом Св. Владимира IV степени, который служил знаком выслуги лет в гражданских чинах. Орден IV степени давался по случаю 35-летия пребывания на государственной службе [Спасский, с. 117]. Таким образом, жених по возрасту вполне годился Наталье в отцы. Казенный дом прокурора верхней расправы находился рядом с домом Турчаниновых в Екатеринбурге. В силу должности Н. Т. Колтовской принимал непосредственное участие в разделе имущества уральского заводчика, видел внушительный размер состояния, мало того, именно в его доме 1 июня 1789 г. был оформлен раздел имений между наследниками А. Ф. Турчанинова. В этом документе Наталья уже значится его женой.

Очевидно, что женитьба была весьма выгодной и дальновидной сделкой со стороны прокурора Колтовского, он получил за Натальей Алексеевной «в приданое... движимого и недвижимого имения гораздо более, нежели на четыреста тысяч рублей» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 70, 72 об.], кроме того, за ней числилось по ее доле 843 крепостных м. п. [ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 2531. Л. 366]. Сразу после женитьбы Колтовской стал попечителем своей несовершеннолетней жены, что давало ему определенную власть над ней.

С XVIII в. в России проводилась государственная политика укрепления правового положения женщин и предоставления им более устойчивого имущественного обеспечения. Одним из проявлений этой политики стал именной сенатский указ 22 декабря 1785 г. «О дозволении малолетным, коим минуло 14 лет, просить попечителей... для совета и защищения во всех делах» [ПСЗ-1, т. 22, № 16300]. Этим и другими указами имущество супругов было законодательно разделено, и женщины получали материальную независимость. Однако с таким положением не готовы были мириться многие мужья среди дворян [см.: Цатурова, с. 92]. Колтовской не был исключением, поэтому стремился успеть как можно быстрее большую часть имущества жены переписать на себя. В материалах сенатского дела читаем: став попечителем, он «взял от нея (жены. – Е. П.) писменные доверенности на заклад, продажу ея и на покупку для нея имений, а равно и на управление оными полномочно», то есть единолично. Затем «под видом приобретения ей имений продавал, закладывал и покупал частию на ея, а частию на свое имя». В конечном итоге Колтовской записал на себя «около полуторы тысячи душ и в Москве большой каменной дом», наделал долгов по векселям, купчим и закладным, «большою частию за поручительством его жены... с процентами до 600 000 рублей» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 4 об.]. Правда, в итоговом документе фигурировали иные цифры: «доказано и по делу значит, что Колтовския в 794-м и 795-м годах оказались должными разным людям всего с процентами 446 122 ру[блей]» [Там же. Л. 80 об.]. В любом случае суммы были значительные.

Прожив год-два в Екатеринбурге, супруги переехали жить в Москву, однако Колтовской вынужден был часто отлучаться из дома, поскольку в 1791–1794 гг. он состоял в Управлении Колывано-Воскресенских заводов под начальством П. А. Соимонова [Адрес-календарь... на 1791 год, с. 12; Адрес-календарь... на 1794 год, с. 12].

Любовь против светских правил

Вероятно, сам Н. Т. Колтовской и познакомил жену с ее будущим любовником Дмитрием Павловичем Татищевым, приходясь племянником его матери, урожденной Аршеневской. Брату последней, полковнику Илье Яковлевичу Аршеневскому, потомственному дворянину Смоленской губернии и своему дяде, Николай Колтовской тайно от жены продавал и посылал в Москву медь с Сысертских заводов [ГАСО. Ф. 24. Оп. 24. Д. 7734. Л. 45]. Филанцета Степановна тоже писала о любовнике дочери как о человеке, «которой в самом близком родстве с ее мужем, а моим зятем» находился [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56181, л. 1].

Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845), будущий известный дипломат, действительный тайный советник и обер-камергер, в 1792 г. начал свою карьеру в должности поверенного в делах в Константинополе. С апреля 1794 г. ротмистром он участвовал в военных действиях

в Польше и за штурм Варшавы (24 октября) получил орден Св. Георгия III степени [Русские портреты, с. 195; Феофанов, с. 701].

С Натальей Колтовской Татищев мог познакомиться или в самом начале 1794 г., до развертывания Польской кампании, или уже после нее, в конце года. Блестящий молодой аристократ, боевой офицер, надо полагать, без труда завоевал сердце двадцатидвухлетней женщины и сам увлекся уральской красавицей. Колтовский мог длительно отсутствовать по служебным делам, чем и воспользовались любовники. Вспыхнувшая бурная страсть, продолжавшаяся несколько лет, закончилась рождением 6 октября 1798 г. сына Павла.

До определенного момента описываемые события вполне укладывались в тогдашнюю норму общественного поведения. Татищев-любовник в мае 1796 г. пытается в письме представить ситуацию максимально выгодной для своей репутации, оправдываясь и в то же время явно гордясь своим успехом и тем, что не имел «иных намерений, кроме тех удовольствий, каковые подобная связь может пообещать» [цит. по: Архив князя Воронцова, кн. 18, с. 314]. Действительно, связь на стороне с замужней женщиной не осуждалась светским обществом, главное – она не должна была становиться публичной. При этом, как пишет историк А. Шокарева, «конечно, в первую очередь женщина старалась сохранить свое доброе имя. Если женщины изменяли мужьям, то молчали об этом – в отличие от мужчин, которые часто бравировали своими победами» [Шокарева, с. 77]. Но нестандартность отношений Колтовской и Татищева заключалась в том, что Наталья оказалась, к досаде любовника, женщиной, «ум и сердце которой устроены иначе, нежели у других женщин, не устояв однажды перед своей слабостью, [она] не желала более... делить себя между двумя мужчинами» [цит. по: Архив князя Воронцова, кн. 18, с. 314]. Твердо решив оставить мужа, Наталья была убеждена в своем праве открыто соединиться с любимым человеком, что, по ее представлению, как видно из письма Татищева, возвращало ее «к добродетели». Но это было уже против всяких правил семейной жизни, бросало вызов светскому обществу, в глазах которого «позорили семью» не сами по себе факты пьянства, наличие связей на стороне, растраты и т. д., а их обнародование» [Веремченко, с. 49]. Как можно понять из письма Татищева, оно было написано им вовсе не для того, чтобы опровергнуть свою связь с Н. А. Колтовской. В этом смысле «замечательны» написанные в нем слова:

...Никогда не предлагал я ей покинуть ни мужа, ни детей, стать опозоренной ради меня; напротив, я отвращал ее от сего, насколько мог, но не в моей власти оказалось удержать ее [цит. по: Архив князя Воронцова, кн. 18, с. 314].

Цель письма была, очевидно, иной: Татищева волновали распространившиеся слухи о корыстных мотивах его связи с богатой лю-

бовницей, чего он потерпеть, конечно, не мог и приводил в письме доводы против этого. Не случайно письмо адресовано всесильному фавориту Екатерины II Платону Зубову явно с намерением через него быть оправданным перед светским обществом. Двуличие будущего дипломата проявилось и в том, что в 1802 г. у него родился второй внебрачный сын Владимир. Вместе с Павлом оба сына получили фамилию легендарных предков дворян Татищевых – Соломирских.

Покинутая Наталья еще долго не могла смириться с потерей любимого человека и надеялась вернуть его расположение. Сохранилось свидетельство современника А. Я. Булгакова, который в начале 1809 г. жаловался в одном из писем, что Колтовская его «чрезмерно ласкает», и ему казалось, что «она ищет его посредничества с Татищевым, который рад, что от нея отвязался» [цит. по: Русские портреты, т. 1, с. 160]. Д. П. Татищев сделал блестящую дипломатическую карьеру, женился уже немолодым на разведенной Юлии Белобразовой (урожденной Конопка) [Там же].

Вера в монарха как защитника семьи. Поведение родственников

Все участники описываемой драмы обращались к высшей власти, ища справедливости и оправдания своих поступков.

Бегство Натальи Колтовской было совершено где-то в начале 1796 г., а уже 27 июня Филанцета Турчанинова написала письмо Екатерине II с жалобой на свою дочь, которая, «забыв страх Божий, любовь к детям, к мужу и не уважая преклонность лет» матери, «уехала с камер-юнкером Татищевым... оставя четверых детей и дом, покрыв... целое семейство вечным пятном». Заметим, что вдова была уверена в своем праве обращаться напрямую к «великой государыне» и заявляла: «щедроты, изливаемые тобою на верноподданных твоих, открывают путь всем повергнуть себя к престолу твоему». При этом, пересыпая письмо уверениями в преданности, она почти требует: «поведи неповинующую дочь... матери возратить, чтоб жила при мне» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56181. Л. 1–1 об.]. Здесь подтверждается и как бы иллюстрируется сделанный Е. Н. Марасиновой вывод о том, что в то время «стоическая вера в справедливость высшей инстанции в лице монарха усиливала мощное стремление “достучаться” до престола». И далее исследователь добавляет: «порыв обратиться напрямую к государыне был свойственен не только жителям древней столицы, но и населению всей империи» [цит. по: Дворянство, власть и общество, с. 528].

В данном случае вдова Ф. С. Турчанинова ответа не дождалась, вряд ли Екатерина II вообще видела ее письмо, полученное 21 октября, то есть за две недели до своей смерти.

Отметим другое – сам факт того, что мать и старшие члены семьи, не раздумывая, встали на сторону зятя, резко осудили поведение Натальи, сделавшись ее непримиримыми врагами. Событие взбудо-

ражило всю семью: мать бросилась писать письмо на высочайшее имя, старший брат – ловить непокорную сестру, последняя, кажется, ни от кого не получила сочувствия. Впрочем, подобная активность была вполне характерна для большой патриархальной семьи, представлявшей собой, по наблюдениям ее исследователей, «целый мир, переполненный самыми разнообразными человеческими чувствами», когда любые, «даже небольшие события становились достоянием всего круга, всех интересовали и многократно перетолковывались». В такой семье переплетались характеры, интересы, мнения, решалось, «кого любить, кого ненавидеть». Словом, такая семья «представляла собой как бы единый организм: успехи и неудачи, происходившие с одним из ее членов, затрагивают всех... мотовство и распутство юноши, бегство из родительского дома влюбленной девушки бросают тень на всю многочисленную родню» [Пономарева, Хорошилова, с. 105, 107]. Вот и мать Колтовской пишет про «вечное пятно позора», поруганную «целаго семейства честь», оставленные ее дочерью, следовавшей «слепо своему заблуждению и страсти» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56181. Л. 1].

После первого семейного потрясения, вызванного смертью главы семьи А. Ф. Турчанинова, хозяина производства, мужа и отца, бегство из дома замужней женщины стало, безусловно, новым, не менее сильным внутрисемейным потрясением. Однако в подобных ситуациях, согласно наблюдениям автора исследования бракоразводных процессов, при распаде семьи жены обычно обращались за помощью к родственникам, будучи уверены, что те «не солидаризируются с мужьями, а встают на защиту интересов обиженной» [Цатурова, с. 91]. Конечно, речь шла в основном о покинутых супругами женах, а не наоборот, как в нашем варианте, и «обиженной» Наталью Колтовскую можно назвать только в отношении как раз-таки близких родственников. Но наша героиня 22 августа 1796 г. подает жалобу в Сенат на мужа с просьбой назначить ей «других опекунов для приведения в порядок разстроенного ея имения, и чтоб от мужа ея повелено было за все время управления его... взять отчет» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 4 об.]. Для возможного ускорения дела, длившегося в Сенате несколько лет, Н. А. Колтовская в августе 1798 г. пишет «всепопданнейшее» письмо Павлу I, обвиняя мужа в том, что, «наделав... долгов и разпродав... приданое недвижимое» имущество, «иное же просрочив в закладах... а движимое себе присвоив», тот ее «лишил... пропитания» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55011. Л. 1 об.].

Из материалов сенатского дела следует, что еще примерно в апреле 1797 г. покинутый муж Н. Т. Колтовской обращался к императору с письмом, в котором, в частности, не признавал за своего последнего рожденного женой ребенка, получив в ответ высочайшее разрешение «мальчику не называться сыном его» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 72]. Реакция Павла I на письмо неверной жены Колтовского была быстрой и однозначной. На документе зафиксирована дата получе-

ния: «В Гатчине, сентября 2-го дня 1798-го года», а уже через 10 дней – 12 сентября того же года – вышел «именной указ Сенату», в котором говорилось:

Его императорское величество высочайше повелеть соизволил: жену обер-бергмейстера Колтовскаго Наталью Алексеевну выслать для житья к матери ея; управлявших имением ея опекунов счесть (то есть рассчитать. – Е. П.) и на место их определить опекунами, кого мать и ближайшие ея родственники изберут [Указы, с. 513].

Как монарх Павел I обязан был заботиться о нравственности в среде высшего сословия государства – так следует рассматривать его реакцию. Монархия стояла на защите закона и семьи. Для рассмотрения имущественных разногласий Колтовских Павел I 17 января 1800 г. издал указ Сенату о заведении дела. В ответ уже 22 января вышел сенатский указ об избрании Н. Т. Колтовского опекуном и назначении двух попечителей. Но неожиданно ситуация изменилась.

Увлечение императора. Последняя любовь Г. Р. Державина

Н. А. Колтовской удалось добиться аудиенции Павла I. Их встреча произошла, по-видимому, в феврале или марте 1800 г. и произвела на императора сильное впечатление. Попав под обаяние той самой женщины, которую он совсем недавно указом велел вернуть в семью, после встречи с ней Павел I стал думать, как исправить положение и при этом соблюсти законность. Дело было, по воспоминаниям сенатора Г. Р. Державина, «весьма щекотливое», поскольку «император в нее влюбился и хотел, по его праву, круто благосостояние ея исправить» [Державин, т. 6, с. 722]. Именно Державину император и доверил дело, назначив его опекуном Колтовской (с 27 марта) с поручением добиться возвращения наследственных имений. По понятным причинам поручение это было устным, само опекуновство, по утверждению биографа поэта Я. К. Грота, объявлялось лишь «по словесному его указу». Он также писал: «Павел, лично заинтересованный ходом дела Колтовской, пленившей его своею красотою, приказал передать опеку Державину» [Там же, с. 758].

Сенатор серьезно взялся за порученное дело, стал собирать и изучать материалы имущественных разногласий супругов. Сохранилось несколько писем к нему самой Н. А. Колтовской с перечислением нанесенного ей мужем материального ущерба, они встречались и лично. В результате немолодой уже тогда сенатор-поэт тоже не устоял перед обаянием Натальи, последняя стала часто бывать в его доме-дворце на Фонтанке, где царила на проводившихся там балах. Летом она приезжала в его имение Званка Новгородской губернии. Со слов Я. К. Грота, свидетель увлечения Державина В. И. Па-

наев, вспоминая проведенные у поэта рождественские дни в январе 1815 г., писал, что «скучал на них», но «занимало» его «нежное обращение хозяина с тогдашней красавицей Колтовскою, женщиной лет 35-ти, бойкою, умною; Гаврила Романович почти не отходил от нея и казался бодрее обыкновенного» [цит. по: Державин, т. 8, с. 963]. Наталья Колтовская так и осталась последней любовью и музой великого поэта, ей он посвящал замечательные стихи и переводы последних лет (например, Петрарки). Влюбленный Державин лучше ближайших родственников смог понять сущность этой женщины, написав в одном из посвященных ей стихотворений «Альбаум» фразу: «гордо ты жила».

«Дозволить... просить развода»

В сохранившихся материалах сенатского дела отложились многочисленные доказательства того, что Н. Т. Колтовской систематически разорял наследственные имения и фабрики жены, закладывал и перезаклаживал их на свое имя, совершал другие неблагоприятные поступки. В нем фигурирует «записка, поданная от г-на опекуна», то есть Державина, убедившегося в том, что «поступки мужа» заслуживают «по законам тяжкое наказание». При этом он предлагал найти «средства», чтобы, «с одной стороны, исполнить волю государя императора и скорее кончить их тяжбу, а, с другой, чтоб не отяготить ничей судьбы строгостью суда» [ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 93 об.]. Как можно понять из документа, «господин опекун» показал Н. Т. Колтовскому «экстракты, из дел извлеченные», в результате чего последний «убежден был неправотою своих поступков». Под давлением обстоятельств муж «охотно... принял» предложенное ему «миролюбие и выдал все долговые документы в двух реестрах за рукою его». На их основании была составлена «запись с его согласия» [Там же. Л. 93 об. –94]. «Мнение» Сената было сформулировано следующим образом:

Мужу и жене Колтовским несогласиями, тяжбами и оскорблениями друг друга разстроенными до того, что нет уже им надежды когда-либо достигнуть примирения и возвратить в сердца свои взаимную супружескую любовь, дозволить желающему из них просить развода в духовных правительствах [Там же. Л. 118 об.].

В ноябре того же 1800 г. Н. Т. Колтовской собственноручно написал покаянное письмо на имя жены, в котором признавался в невозможности сохранения их брака по причине его болезней и «изнеможения физических сил», не позволявших ему «быть мужем». В конечном итоге он отказывался от «прежнего брачного сожития», соглашался на «мировую запись», предоставляя свободу жене и давая ей «право, естли только духовная власть то позволит, вступить в новый брак» [Там же. Л. 160 об.].

Процедура развода в императорской России была очень сложной. Бракоразводный процесс осуществлялся судами духовных консисторий. Сам развод предусматривался церковным законодательством в нескольких случаях, из которых сразу два – неспособность «одного из супругов к брачной жизни» и прелюбодеяние [Исаченкова, с. 79–80] – могли стать основанием для расторжения брака Колтовских. По наблюдению исследователя истории русского развода М. К. Цатуровой, «в практике использовался еще один способ прекращения супружества – разводное письмо, которое писали или оба супруга друг другу, или один из супругов, чаще муж, о том, что освобождает жену от дальнейших брачных обязательств и отпускает ее на волю». Публикуемое здесь письмо Н. Т. Колтовского жене, как нам представляется, вполне можно назвать и разводным. Как уточняет исследователь, «законных причин для развода в этих случаях у супругов не было». И дальше делает важное дополнение: «Написание разводных писем являлось попыткой обойти закон, а потому осуждалось церковью. Отступникам грозили наказанием. Развод по разводному письму был демонстрацией пренебрежения к официально признанной процедуре расторжения брака» [Цатурова, с. 188].

Наталья Колтовская получила желаемую свободу, но была бы ее победа возможна без поддержки монарха и его влияния на Сенат, однозначно сказать трудно. Скорее всего, шансы на положительный исход дела заметно сократились бы, учитывая отношение общества к подобным ситуациям. Как пишет историк дворянской семьи А. Шокарева, «в начале XIX века в общественном мнении развод все еще считался недопустимым и осуждался, даже разъезды супругов вызывали толки». В итоге исследователь делает однозначный вывод: «Эмансипация еще только начала затрагивать консервативный мир дворянок, свое право любить человека по своему выбору они высказывали очень робко. Проблемы, возникающие между супругами, принято было решать за закрытыми дверями, не обсуждая в обществе» [Шокарева, с. 82].

Другой специалист, Н. Л. Пушкарева, не так категорична и считает, что уже к концу правления Екатерины II «традиционное отношение к браку как к нерасторжимому союзу претерпело эрозию», о чем, по ее мнению, свидетельствуют «рост числа прошений о разводе (в том числе написанных женщинами) и увеличение положительных решений по ним», а также, что важно, «появившаяся терпимость по отношению к разводам в общественном мнении». История сенатского «дела Колтовских» подтверждает эту мысль историка, но при этом опровергает другую – что «инициаторами развода в России XVIII–XIX вв. выступали преимущественно мужчины» [Пушкарева, с. 134–135].

Через всю жизнь пронесла Наталья Алексеевна Колтовская любовь к своим внебрачным сыновьям Соломирским, с которыми жила последние годы в Царском Селе. Глубокие душевные травмы, нане-

сенные ей родными и близкими в молодости, не изгладились в течение всей ее жизни, сформировали стойкое чувство отверженности и, как следствие, ненависти по отношению к родственникам и не любви к несчастным детям от брака с Н. Т. Колтовским, которых она лишила наследства.

В приложении публикуются документы, иллюстрирующие разные аспекты этой семейной драмы – типичной для императорской России и одновременно уникальной, если говорить о российской провинции¹.

* * *

Публикуемые документы № 1 и 3 выявлены в РГАДА в составе фонда Московского дворцового архива (в прошлом – архивов Министерства императорского двора и Кабинета его императорского величества), они представляют собой рукописные подлинники. Документ № 4 выявлен в составе объемного дела Сената по «тяжбе Колтовских» из фонда «Архив Г. Р. Державина» в ИРЛИ РАН. Единственный документ, представленный не рукописным подлинником, – № 2, он обнаружен в одном из 40 томов изданного П. И. Бартеневым архива князя Воронцова (кн. 18 за 1880 г.) в разделе писем Д. П. Татищева к графам А. Р. и С. Р. Воронцовым, написанных на французском языке. Публикуемое письмо адресовано фавориту Екатерины II П. А. Зубову и приложено к другому письму братьям Воронцовым с просьбой о передаче адресату. Перевод с французского языка сделан научным сотрудником отдела редких книг и книжных памятников Астраханской областной научной библиотеки им. Н. К. Крупской Зоей Александровной Маломётовой.

Тексты документов публикуются с сохранением стилистических и языковых особенностей старого правописания, в некоторых случаях, когда этого требует улучшение смыслового восприятия источников, в них выделены абзацы. Прописные буквы и личные имена употреблены по современным правилам, императорские титулы, названия должностей и обращения, согласно чинам, написаны со строчной буквы. Заголовки к документам как часть их археографического оформления составлены автором статьи. Текстуральные примечания оформлены под звездочками, комментарии к текстам даны в конце публикации сквозной нумерацией.

¹ Частично эти документы уже цитировались нами ранее в статьях [см.: Неклюдов, Пирогова; Пирогова, 2006].

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

1

[Письмо владелицы заводов вдовы Ф. С. Турчаниновой
императрице Екатерине II]

1796 г., июня 27

Всеавгустейшая монархиня, всемилостивейшая государыня!

Щедроты, изливаемая тобою на верноподданных твоих, открывают путь всем повергнуть себя к престолу твоему. Прости дерзновение отчаенной и огорченной вдове и матери, поступком дочери моей Натальи, [пребывающей] в замужестве за обер-бергмейстером Колтовским; она, забыв страх Божий, любовь к детям, к мужу и не уважа преклонность лет моих, уехала с камер-юнкером Татищевым, которой в самом близком родстве с ее мужем, а моим зятем, оставя четверых детей и дом, покрыв меня и целое семейство вечным пятном.

Ты, // великая государыня и милосердная мать, твоим верноподданным всемилостивейше повелеть изволила, чтобы оная дочь моя Колтовская настоящую жизнь как неприличную оставила и переехала жить ко мне или к сестре родной Титовой¹; но она, дочь моя Колтовская, приехав и не более пробыв у сестры своей Титовой как один день, уехала назад в Санкт-Петербург. Но сын мой, а ее родной брат коллежской ассесор Алексей Турчанинов², ее остановил, которой для того был от меня и послан, // чтоб, ее уговоря от неприличной ее жизни, привести ко мне как к матери, пораженной ее поступком, где б нашла себе убежище, сохраняючи ее и целого семейства честь. Но она, дочь моя, не внемлет сострадающей об ней матери, следует слепо своему заблуждению и страсти.

Пав к освященным твоим стопам, пролив отчаянные слезы, возри, всемилостивейшая государыня, на пораженную мать милосердным твоим оком и повели неповинующую дочь со страждующей об ее слабости матери возвратить, чтоб жила при мне, а для доставления ее ко мне отдать сыну моему, а ее брату, означенному Алексею Турчанинову.

Определенную ж опеку над имением // ее повели всемилостивейше подтвердить до двадцатипятилетнего возраста болшаго ее сына Александра, а моего внука, дабы имение, ей оставшееся, сохранено было ее детям, а моим внукам.

Милосердная мать верноподданных твоих, внемли гласу молящей престарелой вдовы и отчаянной матери, павшей пред престолом твоим, повели оное утвердить монаршим твоим благоволением, всеавгустейшая монархиня, всемилостивейшая государыня.

Июня 27-го дня 1796-го года. Сысерской завод.

Верноподданнейшая вдова, титулярная советница Филанцета Степанова, дочь Турчанинова, по прозбе ее за неумением грамоте подписал духовник ее Никифор Куликов в церкви Симеона Богоприимца и оныя Пророцита Иерея³.

Помета: № 878. Октября 21. 1796-го.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56181. Л. 1–2 об.
Подлинник. Рукопись

¹...² Написано другим почерком.

[Письмо ротмистра Д. П. Татищева князю П. А. Зубову]⁴

1796 г., мая 8

Милостивый государь!

Недостойное истолкование, кое стараются преподнести Вашему сиятельству касательно причин, повлекших меня к опрометчивому поступку, недавно мною совершенному, принуждает меня к необходимости докучать Вам этими строками. Я надеюсь, что ежели Вы и не найдете в них моего оправдания, то не откажете, по крайней мере, в сочувствии человеку, полагававшему, что он предпринял тот образ действий, который ему предписывала честь и который оказывается вынуждаем оправдывать себя противу низких обвинений.

Смею надеяться, милостивый государь, что разговаривать я буду с лицом, кое некогда выказывало мне свое благорасположение, посему и не рискую ничем, принося ему свою исповедь. Вот она, сколь возможно, краткая.

Ища сблизиться с особой, коей невольно причинил я несчастье, я не имел иных намерений, кроме тех удовольствий, каковые подобная связь может пообещать; я преуспел, и с того времени участь моя решилась. Женщина сия, ум и сердце которой устроены иначе, нежели у других женщин, не устояв однажды перед своей слабостью, не желала более подняться из своего падения: имея за правило не делить себя между двумя мужчинами, она заставила себя смотреть на мужа как на существо совершенно чужое ей и потребовала от меня, поскольку это я принудил ее не быть более добродетельной, дабы я возвратил ее к добродетели, соединившись с ней. Все, что я мог сказать вслед за тем, оказалось напрасным; наконец, видя, что она решилась расстаться со своим мужем, я связал ее обещанием, дабы сие свершилось благопристойным, по крайней мере, образом. Она, казалось, согласилась на это, я покинул ее при сих обстоятельствах и прибыл сюда, надеясь, что разлука и время могли бы заставить ее одуматься и отказаться от своего намерения. Во все два месяца, которые я здесь провел без нее, она не прекращала настаивать на том, чтоб я приехал за ней; наконец, она мне написала, что больна, что умрет, ежели не приеду свидеться с ней. Я поддался слабости согласиться на то, что она требовала от меня. По прибытии моем в Москву она сообщила мне, что супруг ее поставлен в известность о ее связи со мной, что он вскорости должен прибыть, что тотчас по прибытии переломает он ей руки и ноги, что она не ручается и за жизнь свою, что я окажусь посему убийцею ее, ежели не позволю ей последовать за мною в Петербург. Что оставалось мне делать, Ваше сиятельство? Стать палачом этой женщины либо сделать ее несчастной оттого лишь, что она любила меня? Я решился принести в жертву самого себя.

Такова, Ваше сиятельство, моя история с ней. Я не проронил ни единого слова, кое не было бы правдивым. Никогда не предлагал я ей покинуть ни мужа, ни детей, стать опозоренной ради меня; напротив, я отвращал ее от сего, насколько мог, но не в моей власти оказалось удержать ее. Касательно же гнусного обвинения, будто огромное ее состояние побудило меня принять ее у себя, таковое отпадает само собою благодаря письму, кое она имеет честь адресовать Вам и кое доверила Вам вручить своему супругу: сим письмом назначает она мужа попечителем своего имущества, оставляя за собой всего пятьдесят крестьянских душ, дабы иметь прибежище. Меня печалит обязанность оправдываться в подобной клевете: сердцу моему слишком претит сие недостойное чувство, чтоб даже в помыслах остановиться на нем.

После искренних моих признаний Вашему сиятельству, кои изложил я Вам сейчас, я умоляю Вас поверить, что вовсе не боязнь гонений принудила меня писать к Вам. Нет, Ваше сиятельство, ни разу подобное опасение не утратило мою душу: уважение Ваше драгоценно для меня, и одно лишь желание сохранить его заставило меня предпринять сей необходимый шаг.

Мне остается умолять Вас, Ваше сиятельство, не отягчать судьбу особы, вся вина которой проистекает из-за щепетильности, вовсе ее полу не свойственной, и ежели обязательно нужна жертва, пусть я буду избран ею.

[Архив князя Воронцова, кн. 18, с. 314–316].

Перевод с фр. яз. З. А. Маломётовой

3

[Письмо Н. А. Колтовской императору Павлу I]

1798 г., августа 26

Всемиловнейший государь!

В четырнадцатилетнем возрасте выдана я в замужество за коллежского асессора, учинившагося потом обер-бергмейстером, Колтовскаго, которому принесла в приданое знатное имение, в наследство мне доставшееся после покойнаго родителя моего титулярнаго советника Турчанинова, имевшаго счастье носить на себе благоволение Вашего императорскаго величества и в бозе почивающаго государя, родителя Вашего императора Петра Феодоровича. И с сего самого времени учинился он, Колтовской, опекуном моим и имения моего в звании // попечителя. Потом, когда исполнилось мое совершеннолетие, он взял от меня две доверенности о управлении моим имением, но все сие с моей стороны оказанное ему доверие и особливая преданность произвела лишь то, что он, наделав более четырехсот тысяч рублей долгов и разпродав мое приданое недвижимое, иное же просрочив в закладах, нарочно в малых денгах, людям, с коими он имел близкое сношение. А движимое себе присвоив, лишил меня пропитания, подвергая еще искам заимодавцов, которым он платить не хочет, объявляя, что якобы не состоит за ним имения и что платить должна я.

В столь крайних обстоятельствах, стесненных еще паче величайшею его ко мне ненавистию, которая причиняла мне премногия несчастья для того единственно, чтоб сбыть меня с рук и воспользоваться моим имением, я видела необходимость прибегнуть к правосудию и, наконец, имела то щастие, что по высочайшему повелению Вашего императорскаго величества к имению моему определена опека, и оной предоставлено равномерно возметъ попечение о моих детях.

Но ни сила законов, ни предписания Правительствующаго Сената в течении почти двух лет не сильны были принудить мужа моего к отдаче отчетов за время его опекунства и управления моим имением, к возвращению моих вещей и людей, из которых некоторым // дал он билеты, называя ложно чужими, и к удовлетворению кредиторов возвращением просроченных им в закладах моих имений, из которых одно и то же самое сперва заложено французу Валиуру, которой учил свойственников моего мужа, а потом, невыкупленное, продано было майору Ахматову, которой из крепостных заводских работников учинился майором и, по всей вероятности, с мужем моим для разорения моего

одну цель имеет, ибо свидетельствует о сем упорное предположение мужа моего от всего уклоняться вместе с другими его корыстлюбивыми участниками, которые пособляют ему под предлогом, якобы купленное ими или в закладе взятое имение мое у них отбирается. Произносит жалобы, не объявляя при том, что и они следующий им платеж получить обще с другими заимодавцами, как повелевают те Высочайше Вашего императорского величества законы.

Итак, всемилостивейший государь, несчастной жене, отягченной толико же понашениями, колико и крайним разорением [от] мужа, позволте, милосердный, упавая к освященным стопам Вашего императорского величества, всеподданнейше просить о всемилостивейшем воззрении на мое горестное положение, в котором без дневнаго пропитания повержена я корыстлюбивыми видами моего мужа, и о высочайшем повелении отдать мне моих детей, которые под презрением отца, исполненного столь очевидно моральных пороков, едва ли полезными членами государству воспитаны быть могут, // и о возвращении мне наследной моей собственности со оставлением при оной той самой опеки, которая уже правительствующим Сенатом определена.

Оживотвори, премилосердный монарх, несчастную, но верную рабу, которая до последняго издыхания не престанет возсылать теплые молитвы о драгоценном здравии Вашем.

Вашего императорского величества верная подданная раба Наталья Колтовская, урожденная Турчанинова.

Ч[исла] 26-го августа 1798-го года, в Москве*.

Пометы: 1) В Гатчине, сентября 2-го дня 1798-го года. № 3.

2) Св. 413. Турчаниновы (*карандашом*).

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55011. Л. 1–1 об., 7–7 об.
(Л. 2–6 об. – вставной документ с подробным перечнем
50 векселей, заемных писем, закладных и прочего
с указанием имен и сумм).

Подлинник. Рукопись

4

[Письмо Н. Т. Колтовского жене с разрешением вступить в новый брак]

Ноябрь 1800 г.

Государыня моя Наталия Алексеевна!

По несчастной разстройке более семи лет супружеского союза⁵ моего с вами и многих между нами произшедших ссор даже и тяжб приказных, доходивших до высочайшаго престола, причину которых знает один сердцеведец бог, не могу я даже помыслить о возвращении прежняго нашего с вами согласия и любви, а по болезням моим и изнеможению физических^{**} сил прежнего брачнаго сожития, в разсуждение сею учинив с вами относительно имения и тяжб наших мировую запись, приступаю сим к разрешению совестей на-

* Написано рукой Н. А. Колтовской.

** Слово подчеркнуто.

ших и к утверждению душевного спокойствия нашего, т. о., что нашедши[ся] не в состоянии быть мужем, учиняю вас от обязательства онаго свободною и даю вам право, естли только духовная власть то позволит, вступить в новый брак, прося в протчем отпустить мне причиненные вам досады и несправедливости^{***}, а также и те погрешности, которые нас охолодили.

Я же с моей стороны все подобное вам прощаю, а прошу только о детях наших, чтоб они были пристойно воспитанны и не лишены материнской любви вашей и призрения^{****}, пребывая к вам навсегда истинным усердием и таковым же почтением весь государыни моей покорный слуга.

Ч[исла] ноября 1800 года.

Б. п.

ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21. Л. 160–160 об.
Текст повторен на л. 162–162 об. с пометой «копия»,
но без даты. Подписи отсутствуют в обоих документах.
Подлинник. Рукопись

Комментарии

¹ Елизавета Алексеевна Титова, урожд. Турчанинова (1775–1827), родная сестра Натальи Колтовской.

² Алексей Алексеевич Турчанинов (1766–1834), старший брат Натальи Колтовской.

³ Каменный храм во имя святых Симеона Богоприимца и Иоанны Пророчицы был заложен по велению А. Ф. Турчанинова в Сысерти в 1773 г., стал родовой усыпальницей семьи Турчаниновых, здесь похоронена Филанцета Степановна.

⁴ Письмо приложено к другому письму, написанному Д. П. Татищевым графам А. Р. и С. Р. Воронцовым, его родственникам. Светлейший князь Платон Александрович Зубов – фаворит и ближайший советник Екатерины II.

⁵ В действительности на момент написания письма брак Колтовских длился уже более десяти лет, по-видимому, Н. Т. Колтовской имеет в виду семь лет с момента ухода жены.

Библиографические ссылки

Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова на 1786 год, показывающий о всех чинах и присудственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб. : Имп. акад. наук, 1787. 372 с.

Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова на 1790 год, показывающий о всех чинах и присудственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб. : Имп. акад. наук, 1791. 386 с.

Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова на 1791 год, показывающий о всех чинах и присудственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб. : Имп. акад. наук, 1792. 380 с.

^{***} Слово подчеркнуто.

^{****} В копии этого текста (л. 162–162 об.) далее следует отсутствующая здесь фраза: «коих мы поручили с общего согласия нашего опеке». Слова «пристойно воспитанны» подчеркнуты.

Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова на 1794 год, показывающий о всех чинах и присудственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб. : Имп. акад. наук, 1795. 402 с.

Александрова Н. В. Становление и развитие частной сферы жизни российского дворянства в конце XVIII – начале XIX века // Вестн. Челябинск. ун-та. Сер. 1: История. 2003. № 2. С. 149–150.

Архив князя Воронцова : в 40 кн. СПб. ; М. : Тип. А. И. Мамонтова : Университет. тип. (Н. Катков), 1870–1895.

Веретенко В. А. Супружеские отношения в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.: этапы эволюции // Социальная история : ежегодник. 2008. СПб. : Алетей, 2009. С. 47–66.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 24. Д. 7734; Ф. 59. Оп. 7. Д. 2531.

Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / ред. О. Глаголева и И. Ширле. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 656 с.

Державин Г. Р. Сочинения Державина : в 9 т. / с объяснит. прим. [и предисл.] Я. Грота. СПб. : Имп. акад. наук, 1864–1883.

Егерев Т. А. «Вдохновенная чистой любовью, ты мой ангел-покровитель, главный по Боге»: русские консерваторы начала XIX века в личной жизни // Социальная история : ежегодник. 2011 / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. СПб. : Алетей, 2012. С. 25–48. ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 12. Д. 21.

Исаченкова А. И. Документирование бракоразводного процесса в дореволюционной России // Делопроизводства. 2006. № 1. С. 78–86.

Мионов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.

Неклюдов Е. Г., Пирогова Е. П. Наталья Алексеевна Колтовская: коллизии личного и общественного в судьбе дочери А. Ф. Турчанинова // Урал. ист. вестн. 2010. № 4 (29). С. 46–54.

Пирогова Е. П. Новые сведения о детях Натальи Колтовской, урожденной Турчаниновой // Шестые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. : в 2 т. / под ред. С. П. Постникова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. Т. 2. С. 165–169.

Пирогова Е. П. Описание имущества А. Ф. Турчанинова 1789 г. как источник изучения культурно-бытовых традиций уральского дворянства // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1. С. 146–159.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 22.

Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. 3-е изд. М. : Русское слово, 2009. 320 с.

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М. : Ломоносов, 2014. 208 с.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55011, 56181.

Русские портреты XVIII и XIX столетий : в 5 т. М. : Три века истории, 1999.

Спаский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963. 195 с.

Указы, распоряжения и резолюции имп. Павла. 1796–1801 // Рус. старина. 1873. Апр. С. 513.

Цатурова М. К. Три века русского развода (XVI–XVIII века). М. : Логос, 2011. 288 с.

Шокарева А. Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 304 с.

Феофанов А. М. Татищев Дмитрий Павлович // Большая российская энциклопедия : в 35 т. М. : Большая рос. энцикл., 2016. Т. 31. С. 701.

References

Adres-kalendar' rossiiskii na leto ot Rozhdestva Khristova na 1786 god, pokazuyvayushchii o vsekh chinakh i prisudstvennykh mestakh v gosudarstve, kto pri nachale sego goda v kakom zvanii ili v kakoi dolzhnosti sostoit [Russian Address-Calendar for the Summer

of 1786 as of the Nativity of Christ, Showing All Ranks and Public Places in the State, and What Rank or What Position Everyone Is in at the Beginning of This Year]. (1787). St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 372 p.

Adres-kalendar' rossiiskii na leto ot Rozhdestva Khristovana 1790 god, pokazyvayushchii o vsekh chinakh i prisudstvennykh mestakh v gosudarstve, kto pri nachale sego goda v kakom zvanii ili v kakoi dolzhnosti sostoit [Russian Address-Calendar for the Summer of 1790 as of the Nativity of Christ, Showing All Ranks and Public Places in the State, and What Rank or What Position Everyone Is in at the Beginning of This Year]. (1791). St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 386 p.

Adres-kalendar' rossiiskii na leto ot Rozhdestva Khristovana 1791 god, pokazyvayushchii o vsekh chinakh i prisudstvennykh mestakh v gosudarstve, kto pri nachale sego goda v kakom zvanii ili v kakoi dolzhnosti sostoit [Russian Address-Calendar for the Summer of 1791 as of the Nativity of Christ, Showing All Ranks and Public Places in the State, and What Rank or What Position Everyone Is in at the Beginning of This Year]. (1792). St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 1792. 380 p.

Adres-kalendar' rossiiskii na leto ot Rozhdestva Khristovana 1794 god, pokazyvayushchii o vsekh chinakh i prisudstvennykh mestakh v gosudarstve, kto pri nachale sego goda v kakom zvanii ili v kakoi dolzhnosti sostoit [Russian Address-Calendar for the Summer of 1794 as of the Nativity of Christ, Showing All Ranks and Public Places in the State, and What Rank or What Position Everyone Is in at the Beginning of This Year]. (1795). St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 402 p.

Aleksandrova, N. V. (2003). Stanovlenie i razvitie chastnoi sfery zhizni rossiiskogo dvoryanstva v kontse XVIII – nachale XIX veka [Formation and Development of the Private Sphere of the Russian Nobility in the Late 18th – Early 19th Centuries]. In *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Seriya 1: Istoriya*. No. 2, pp. 149–150.

Arkhiv knyazy Vorontsova v 40 kn. [Archive of Prince Vorontsov. 40 Books]. (1870–1895). St Petersburg, Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova, Universitetskaya tipografiya (N. Katkov).

Derzhavin, G. R. (1864–1883). *Sochineniya Derzhavina v 9 t.* / notes and introd. by Ya. Grot. St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk.

Egereva, T. A. (2012). “Vdokhnovennaya chistoi lyubov'yu, ty moi angel-pokrovitel', glavnyi po Boge”: russkie konservatory nachala XIX veka v lichnoi zhizni [“Inspired by pure love, you are my guardian angel, the one most important one after God”: Russian Conservatories of the Early 19th Century in Private Life]. In Pushkareva, N. L. (Ed.). *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 2011*. St Petersburg, Aleteiya, pp. 25–48.

Feofanov, A. M. (2016). Tatishchev Dmitrii Pavlovich [Tatishchev Dmitry Pavlovich]. In *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya v 35 t.* Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Vol. 31, p. 701.

GASO [Sverdlovsk Oblast State Archive]. Stock 24. List 24. Dos. 7734; Stock 59. List 7. Dos. 2531.

Glagoleva, O., Schierle, I. (Eds.). (2012). *Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka* [Nobility, Power, and Society in Provincial Russia of the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 656 p.

IRLI RAN [Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences]. Stock 96. List 12. Dos. 21.

Isachenkova, A. I. (2006). Dokumentirovanie brakorazvodnogo protsessa v dorevolutsionnoi Rossii [Documentation of Divorce Proceedings in Pre-Revolutionary Russia]. In *Deloproizvodstva*. No. 1, pp. 78–86.

Mironov, B. N. (2000). *Sotsial'naya istoriya Rossii (XVIII – nachalo XX v.) v 2 t.* [Social History of Russia (18th – Early 20th Centuries). 2 Vols.]. 2nd Ed. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 548 p.

Neklyudov, E. G., Pirogova, E. P. (2010). Natal'ya Alekseevna Koltovskaya: kollizii lichnogo i obshchestvennogo v sud'be docheri A. F. Turchaninova [Natalia Alekseevna Koltovskaya: Collisions of the Personal and the Public in the Fate of A. F. Turchaninov's Daughter]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 4 (29), pp. 46–54.

Pirogova, E. P. (2006). Novye svedeniya o detyakh Natal'i Koltovskoi, urozhdennoi Turchaninovoi [New Information about the Children of Natalia Koltovskaya, née Turchaninova]. In Postnikova, S. P. (Ed.). *Shesty Tatishchevskie chteniya. Tezisy dokladov i soobshchenii v 2 t.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Vol. 2, pp. 165–169.

Pirogova, E. P. (2017). Opis' imushchestva A. F. Turchaninova 1789 g. kak istochnik izucheniya kul'turno-bytovykh traditsii ural'skogo dvoryanstva [Inventory of Property of A. F. Turchaninov 1789 as a Source of Study of Cultural and Everyday Traditions of the Ural Nobility]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki.* Vol. 19. No. 1, pp. 146–159.

Ponomareva, V. V., Khoroshilova, L. B. (2009). *Mir russkoi zhenshchiny: vospitanie, obrazovanie, sud'ba. XVIII – nachalo XX veka* [The World of the Russian Woman: Education, Destiny. 18th – Early 20th Centuries]. 3rd Ed. Moscow, Russkoe slovo. 320 p.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 22.

Pushkareva, N. L. (2014). *Chastnaya zhizn' russkoi zhenshchiny XVIII veka* [Private Life of 18th-Century Russian Woman]. Moscow, Lomonosov". 208 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 1239. List 3. Dos. 55011, 56181.

Russkie portrety XVIII i XIX stoletii v 5 t. [Russian Portraits of the 18th and 19th Centuries]. (1999). Moscow, Tri veka istorii.

Shokareva, A. (2017). *Dvoryanskaya sem'ya: kul'tura obshcheniya. Russkoe stolichnoe dvoryanstvo pervoi poloviny XIX veka* [Noble Family: Culture of Communication. Russian Capital Nobility of the First Half of the 19th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 304 p.

Spasskii, I. G. (1963). *Inostrannye i russkie ordena do 1917 goda* [Foreign and Russian Orders until 1917]. Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 195 p.

Tsaturova, M. K. (2011). *Tri veka russkogo razvoda (XVI–XVIII veka)* [Three Centuries of Russian Divorce (16th–18th Centuries)]. Moscow, Logos. 288 p.

Ukazy, rasporyazheniya i rezolyutsii imp. Pavla. 1796–1801 [Decrees, Orders, and Resolutions of Emperor Paul. 1796–1801]. (1873). In *Russkaya starina.* April, p. 513.

Veremenko, V. A. (2009). Supruzheskie otnosheniya v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: etapy evolyutsii [Marital Relations in Noble Families of Russia in the Second Half of the 19th–Early 20th Centuries: Stages of Evolution]. In *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 2008.* St Petersburg, Aleteiya, pp. 47–66.

The article was submitted on 25.07.2023